

Роберт Ирвин Говард

Последняя песнь
Казонетто

Роберт Ирвин Говард

Последняя песнь Казонетто

OCR Денис

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=154240

Роберт Говард. Гонимые смерти: Северо-Запад; Минск; 1998

ISBN 5-7906-0050-0

Оригинал: RobertHoward, "Casonetto's Last Song"

Перевод:

Ольга Воейкова

Роберт Говард

Последняя песнь Казонетто

Я с любопытством взглянул на тонкий плоский пакет: четко написанный адрес, округлые буквы изящного, ненавистного мне почерка. Я знал, что хладное тело того, кто прислал его мне, уже лежит в могиле.

– Смотри, будь поосторожней, Гордон, – сказал мой друг Костиган. – Этот приспешник дьявола наверняка отправил посылку в надежде причинить тебе зло.

– Мне подумалось, что внутри пакета бомба или нечто в этом роде, – ответил я, – но он совсем тонкий. Попробую вскрыть его.

Несмотря на все, о чем я говорил, мне пришлось изрядно понервничать, пока я не развязал бечевку и не извлек из пакета содержимое.

– Ну надо же! – хохотнув, сказал Костиган. – Он прислал тебе одну из своих песен!

Перед нами лежала обычная граммофонная пластинка.

Я сказал – обычная? Скорей, самая необычная пластинка на свете. Насколько я знал, лишь на этом плоском диске сохранилась запись дивного голоса Джованни Казонетто, великого гения и злодея, чье исполнение оперных арий повергало в восторг весь мир и чьи таинственные страшные преступления заставили содрогнуться всех и вся.

– Камеру смертников, в которой содержали Казонетто, вскоре займет следующий из приговоренных к казни, а певца с черной душой уже постигла смерть, – сказал Костиган. – Какими же чарами обладает пластинка, посланная им человеку, давшему на суде показания, которые привели негодяя на виселицу?

Я пожал плечами. Мне удалось раскрыть чудовищную тайну Казонетто лишь по чистой случайности, я не ставил перед собой подобной цели. Я оказался в пещере, где он совершал древние кощунственные ритуалы и приносил людей в жертву Сатане, которому поклонялся, не по своему желанию. Но на суде я поведал обо всем, что мне довелось там увидеть, и перед тем, как палач накинул петлю на шею Казонетто, тот пообещал, что меня постигнет кара, доселе не выпадавшая на долю кого-либо из людей.

Весь мир узнал о злодеяниях служителей чудовищного культа, главой которых был Казонетто, и после его смерти многие из богатых коллекционеров изъявили желание приобрести пластинки с записями его голоса, но все они были уничтожены согласно условиям его завещания.

Или, по крайней мере, так я считал, но тонкий круглый диск, который я держал в руках, служил доказательством того, что хотя бы одна из пластинок избежала участи, постигшей прочие. Я принялся рассматривать ее, но не обнаружил в центре наклейки с надписью.

– Прочти записку, – подсказал мне Костиган.

В пакет был вложен также маленький листок белой бумаги. Взглянув на него, я узнал почерк Казонетто.

«Моему другу Стивену Гордону для прослушивания в уединении и тиши кабинета».

– И это все, – сказал я, прочитав вслух загадочное послание.

– Ну да, но этого вполне достаточно. Уж не вознамерился ли он погубить тебя с помощью черной магии? А иначе зачем ему понадобилось, чтобы ты в одиночестве слушал его завывания?

– Не знаю. Но, пожалуй, я это сделаю.

– Глупец, – со всей откровенностью сказал мне Костиган. – Если ты не последуешь моему совету и не зашвырнешь эту пластинку в море, я непременно прослежу за тем, что произойдет после того, как ты поставишь ее на граммофон. И не вздумай возражать мне.

Я не стал с ним спорить. На самом деле обещание Казонетто отомстить мне вызывало у меня тревогу, хотя я не мог понять, каким образом прослушивание песни в записи может причинить мне зло.

Мы с Костиганом отправились ко мне в кабинет и поставили на граммофон последнюю из пластинок, сохранивших дивный голос Джованни Казонетто. Я увидел, как на лице Костигана возникло воинственное выражение, когда диск начал вращаться и алмазная головка иглы заскользила по нанесенным на его поверхность бороздкам. Я невольно напряг-

ся всем телом, словно готовясь к борьбе. Послышался громкий чистый голос: «Стивен Гордон!»

Не удержавшись, я вздрогнул и чуть было не откликнулся. До чего же удивительно и страшно слышать, как человек, которого уже нет в живых, называет тебя по имени.

"Стивен Гордон, – вновь зазвучал прекрасный мелодичный и глубоко ненавистный мне голос, – если я умру, ты услышишь эту запись, а если мне удастся избежать смерти, я расправлюсь с тобой иным способом. Полицейские уже вот-вот ворвутся сюда, они перекрыли мне все пути к отступлению. Ничего не поделаешь, придется предстать перед судом, и после того, как ты дашь показания, меня приговорят к казни на виселице. Но у меня осталось время для того, чтобы спеть в последний раз.

Эту песню я запишу на пластинку, которая уже стоит на звукозаписывающем аппарате, и передам ее тому, кто не подведет меня и исполнит мое поручение. Ты получишь ее по почте на следующий день после того, как меня повесят.

Друг мой, это место наилучшим образом подходит для исполнения верховным жрецом Сатаны своей последней песни. Я нахожусь сейчас в черной часовне, где ты недавно застал меня врасплох, проникнув в мою потайную пещеру, а затем мои бестолковые неофиты упустили тебя, и ты скрылся.

Взгляд мой устремлен на капище Того, Кто Не Имеет Имени, на покрасневший от крови алтарь, откуда непороч-

ные души, расставшись с телом, устремлялись к мрачным звездам. Я ощущаю близость таинственных созданий, порожденных тьмой, я слышу, как могучие крылья со свистом рассекают мглу.

О, Сатана, повелитель мрака, позволь душе моей проникнуться великой мощью зла, дабы моя дивная песнь звучала, повергая в ужас сердца".

Неповторимый голос обрел небывалую полноту и силу, в нем слышались ликующие нотки. Звуки донесшихся до меня странных ритмичных песнопений обладали каким-то неописуемым завораживающим свойством, казавшимся сверхъестественным.

– Боже милостивый! – прошептал Костиган. – Да ведь это заклинания, которые являются частью Черной Мессы!

Я ничего не ответил. Сердце мое дрогнуло, когда послышалось это удивительное жутковатое пение. В темных глубинах моей души, словно пробудившийся от сна дракон, пошевелилось, обретя способность двигаться, какое-то чудовищное слепое существо. Воздействие, которое оказывало на меня магическое пение, становилось все мощней, и очертания обстановки в кабинете, где я находился, утратили четкость, а затем и вовсе пропали из виду. Мне казалось, будто в воздухе проносятся какие-то сверхъестественные существа, касаясь порой лица причудливыми, как у летучих мышей, крыльями, – словно лежавшему в могиле Казонетто удалось с помощью пения призвать сюда зловещих древних демонов,

и те окружили меня.

Я вновь увидел мрачную часовню, где горел лишь один небольшой светильник; пляшущие отсветы огня скользили по алтарю, над которым витал дух Того, Кто Не Имеет Имени, самого воплощения Ужаса, рогатого летучего существа, возведенного в кумиры дьяволопоклонниками. У меня перед глазами снова возник запятнанный кровью алтарь, длинный клинок кинжала для жертвоприношений в воздетой вверх руке служителя в черном, фигуры раскачивающихся из стороны в сторону участников ритуала, облаченных в просторные одеяния.

Голос звучал все мощней и мощней, его торжествующие переливы заполнили кабинет, а затем и весь мир, и землю, и небеса – всю Вселенную! Плотная завеса тьмы простерлась, заслоняя звезды. Я отшатнулся, как будто ощутил воздействие могучей реальной силы.

Именно тогда я понял, что звук может стать воплощением зла и ненависти, ибо голос Казонетто поверг меня в глубины преисподней, недоступные даже воображению. Передо мной разверзлись мрачайшие бездонные провалы, немислимые пустоты на мгновение открылись моему взгляду и невероятная чудовищная реальность, лежащая за пределами того, что известно человеку. Пластинка все вращалась, и дивный страшный голос продолжал звучать, обрекая меня на муки, ведомые лишь узникам Чистилища.

Кожа моя покрылась холодным потом, когда я познал, ка-

кие чувства испытывает человек, обреченный на заклятие. Я стал тем, кого должны вот-вот принести в жертву. Я лежал на алтаре, и надо мной простерлась рука убийцы, державшая кинжал.

Звуки голоса, пророчившего мне неминуемую погибель, доносились оттуда, где стоял граммофон. Он приобретал все большую глубину и силу, и по мере приближения к кульминации в нем все чаще и чаще проскальзывали безумные нотки.

Я понимал, какая опасность мне грозит. Я чувствовал, как мозг мой, на который словно обрушился поток смертоносных стрел, наполненных звучанием, постепенно начинает разрушаться. Я тщетно силился закричать, вымолвить хоть слово, но сколько я ни раскрывал рот, мне не удалось выдать из себя ни звука. Я попытался подойти к граммофону, чтобы разбить пластинку, но не смог даже пошевелиться.

Звучание голоса приобрело немислимую мощь и стало невыносимым, его переливы были проникнуты чудовищным торжеством; среди нот обрекавшей меня на мучения дьявольской музыки мне чудились выкрики и визг мириад насмеявшихся надо мной чертей, как будто пение Казонетто раскрыло врата ада и полчища его исчадий, чьи руки были обгажены кровью несчастных жертв, с ревом устремились за его пределы.

Служение Черной Мессы с головокружительной скоростью приближалось к тому моменту, когда клинок кинжала

должен вонзиться в тело обреченного на заклятие и лишить его жизни. Хотя силы, питавшие мой ум и душу, почти иссякли, в последнем отчаянном порыве мне все же удалось прорвать завесу чар, сковавших меня словно цепи, и я разразился криком, издав дикий нечеловеческий вопль, вопль влекомой в преисподнюю души, чей разум вот-вот захлестнет волна безумия.

И тогда, словно отголосок моего вопля, раздался крик Костигана, который кинулся к граммофону, обрушил на него свой тяжелый, как кувалда, кулак, разбил пластинку, и чудовищный дивный голос затих раз и навсегда.